— Хорошее имя, лаконичное. Сколько тебе нынче лет?

— Недавно исполнилось двадцать шесть.

— Двадцать шесть, совсем молодой. Нравится эта работа? — дедушка Чжао кивнул на статуэтку Чжу Куя.

Не Сяо закивал с такой силой, а затем пустил в ход все силы своей юности и принялся расхваливать её с усердием человека, пишущего искусствоведческую диссертацию. Он прошёлся по всему: от материалов до техники изготовления, от формы до художественного замысла, от исторического контекста до культурной ценности. Дедушка Чжао расплылся в улыбке, слушал всё с возрастающим удовольствием и наконец кивнул:

— Прекрасно говоришь, очень профессионально.

— Дедушка, я учусь на художника.

— Неудивительно, глаз намётан. Ты сразу заметил единственную вещь в этой комнате, которую вырезал не я.

— А? — Тело и мысли Не Сяо в ту же секунду словно пригвоздило к месту, он не мог даже шевельнуться.

Позади послышался сдавленный смешок. Оглянувшись, он увидел Чэнь Цючи, который нёс два контейнера с едой и сказал им:

— Дедушка Чжао, давайте сначала пообедаем, а потом уже поговорим об искусстве.

— Этот Чжу Куй сделан моим учителем, — неторопливо открывая контейнер с едой и продолжая трапезу, заговорил дедушка Чжао. — Мы… не виделись больше шестидесяти лет, его, должно быть, уже давно нет в живых.

Учился я у него ремеслу поначалу потому, что дома было голодно. В те годы резьба по дереву совсем не походила на нынешнюю, её никто не воспринимал как искусство, всё было связано с религией. Мы ходили по буддийским и даосским храмам, помогали им чинить статуи Будды. После создания нового изваяния обязательно требовался обряд освящения, и тогда учитель был единственным мастером живописи и каллиграфии в наших краях, его статус стоял очень высоко. Он был не просто ремесленником, а ещё и проводил церемонии освящения.

Ты только что упомянул множество приёмов современной резьбы, но в те времена мы не пользовались мерками, не вычерчивали контуры — рубили прямо топором, пилили пилой. У учителя в голове уже было всё готово: там, где обычный человек видел лишь обрубок дерева, в его глазах изделие уже представало полностью завершённым.

Он говорил, что у меня есть талант, и брал меня с собой повсюду. Моя наставница умерла от болезни, оставив маленькую дочку, и чаще всего учитель повторял тогда: «Эх, как было бы здорово, будь ты моим сыном!» Поскольку правила у мастеров живописи и каллиграфии были строжайшими: передавать ремесло сыновьям, но не дочерям, своим, но не чужакам, — мне навсегда суждено было постичь лишь самую поверхность мастерства. И теперь не знаю, кому передано учительское искусство. Наш городок сплошь состоит из гор и леса, наверняка кто-то продолжает этим заниматься… Наверное, кто-то всё же продолжает.

Не Сяо чувствовал, что из-за своего прежнего благоговейного трепета упустил слишком многое. Этот магазин не похож ни на одно другое заведение на улице: здесь словно вовсе не думают о прибыли, магазин скорее похож на музей. Дедушка Чжао порой даже не появляется на месте — просто открывает двери, позволяя туристам свободно заходить и выходить, и почти ничего не продаёт.

— Дедушка Чжао, в следующем месяце у нас пройдёт фестиваль нематериального культурного наследия, не могли бы вы принять в нём участие? — с надеждой спросил Не Сяо.

— Нет, — наотрез отказался Чэнь Цючи. — Устраивать такие мероприятия — только лишний раз трепать себе нервы, поищите кого-нибудь другого.

— Хозяин Чэнь меня не так понял, ничего особенного делать не нужно, в те дни просто разрешите занять это место дедушки.

Дедушка Чжао мягко похлопал Чэнь Цючи по руке и сказал, что можно. Чэнь Цючи помрачнел, принявшись отговаривать старика и предостерегая от возможных хлопот, но тот лишь покачал головой:

— Ничего страшного. Впрочем, у меня есть одна просьба.

— Слушаю вас.

— Ты ведь профессионально изучаешь изобразительное искусство, верно?

— Да, бакалавриат по специальности «изобразительное искусство», а магистратура — «промышленный дизайн».

— Соседская малышка, ну, то есть Аньань, безумно любит рисовать. Иногда она может просидеть у меня всё послеполудни, даже на улицу гулять не выходит. Если у тебя найдётся свободное время, не мог бы ты поучить её? У девочки очень спокойный характер, она идеально подходит для рисования.

Не Сяо с радостью согласился:

— Конечно, без проблем.

Заметив, что Чэнь Цючи по-прежнему молчит, дедушка Чжао произнёс:

— Цючи, всё в порядке, я ведь дважды побывал на том свете, мне уже нечего бояться.

И тогда Не Сяо услышал историю, которую пересказал Чэнь Цючи, — историю Ли Чжэньбана.

Имя дедушки Чжао досталось ему в обмен на чужое. При рождении его звали Ли Чжэньбан, и, как он сам говорил, его родной городок прятался среди кольца зелёных гор. Не достигнув и десяти лет, он уже учился резьбе по дереву у своего наставника — работа эта не давала передышки, зато позволяла не голодать. Встреча с Юй Чжаое произошла в полуразрушенной обители, один угол которой был разрушен бомбёжкой ещё в ранние годы войны, а оставшаяся часть опасно кренилась. Восстанавливать её не имело смысла, и общину решили переселить.

В одну грозовую ночь он вместе с учителем приютил раненого Юй Чжаое и помог ему под видом ученика-резьбщика Ли Чжэньбана бежать из храма, прорвав плотное кольцо окружения. Настоящий Ли Чжэньбан ушёл в горы; с малых лет он ходил туда вместе с учителем выбирать древесину и знал те места лучше собственного дома, надеясь, что вскоре сможет вернуться. Но прошло всего сутки, как храм поглотил страшный пожар, и все вокруг заговорили, что Юй Чжаое погиб там.

Позже, скитаясь по свету, он добрался до Юйваня и узнал, что родители Юй Чжаое уже скончались, а дома осталась лишь жена. Он утверждал, что Юй Чжаое жив, просто служит на секретном фронте, но вскоре тот погиб, прикрывая отход товарищей, в самом начале сорок девятого года.

В итоге оба имени — и Юй Чжаое, и Ли Чжэньбан — были высечены на мемориале.

С той поры он больше никогда не покидал Юйвань, оставшись жить с женой Юй Чжаое. Он делал деревянные поделки — ремесло, которое было для него единственным умением в жизни и которому он посвятил всю свою жизнь.

Эту долгую историю Чэнь Цючи пересказал кратко, но каждое слово глубоко потрясло Не Сяо. Переживая бурю эмоций, он всё же тихо спросил:

— Эти три переплетённые судьбами человека больше никогда не виделись?

Чэнь Цючи покачал головой:

— В те времена связь была не такой развитой, стоило кому-то уйти — и увидеться снова уже не удавалось.

В воздухе витал сухой, тронутый временем, едва уловимый прохладный аромат древесины. Они встретились взглядами и больше ничего не сказали.

В один из последующих дней Не Сяо спросил дедушку Чжао:

— Рисковать жизнью ради незнакомца — вам было страшно?

— Конечно, страшно. Тогда мы неслись в горы сломя голову, прятались везде, где могли. Сначала считал дни — прикидывал, докуда они уже дошли, сколько мне ещё прятаться. А потом счёт дней сбился, запутался окончательно, и я просто пошёл напролом к Юйваню.

— Вы ведь тогда тоже были совсем молодым, почему решились на такое?

— Мы, ремесленники, работаем ради куска хлеба. Хоть мы и сидели в горах, но знали, что мир вокруг изменился, наступила смута. А настоящий мужчина всегда должен делать то, что положено мужчине.

— Об этом раньше никто не знал?

Он ответил:

— Раньше об этом особо не осмеливались говорить. Теперь же из тех, кто знал правду, остался только я один. С меня хватит и того, что я помню. А рассказывать другим — это всегда останется лишь чужой историей.

В день проведения фестиваля нематериального культурного наследия Не Сяо, приложив невероятные усилия, пригласил настоящих хранителей традиций: они договорились с местным храмом о проведении настоящего ритуала освящения. Ещё когда праздник открылся шумными и яркими выступлениями танцоров с львами и драконами, Не Сяо заметил, как у дедушки Чжао, сидевшего среди зрителей, внезапно вспыхнули глаза.

Его рот слегка приоткрылся, словно он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он не сводил глаз с людей на сцене, следя за каждым движением мастера живописи и каллиграфии — как тот опускался на колени, поднимался, вычерчивал ногами защитные круги и шаги Юй-ди, а когда тот затянул благословение, сам того не замечая, начал беззвучно шевелить губами вслед за ним. Его щеки и глаза слегка покраснели, на лбу проступили вздувшиеся вены, и лишь когда церемония подошла к концу, он испустил долгий, облегчённый вздох. Свет в его глазах постепенно смягчился и успокоился, будто накопившиеся за долгие годы тоска и сожаления рассеялись вместе с уплывающими звуками музыки. В этот миг, спустя более полувека, Юй Чжаое — или, если угодно, Ли Чжэньбан — наконец по-настоящему обрёл душевный покой.

Это представление потрясло многих, в том числе и Чэнь Цючи. Он подумал о том, что главное

условие для сохранения и передачи прекрасных вещей — чтобы о них знали люди. А что до старых запретов вроде разделения на «мужское и женское, внутреннее и внешнее»… когда он однажды увидел, как рядом с дедушкой Чжао сидят Аньань и Не Сяо и все трое увлечённо рассматривают кусок дерева, стало ясно, что эти границы стираются всё сильнее.

Глава 17

Фестиваль нематериального культурного наследия привлёк массу туристов, и столь масштабное событие, разумеется, не обошлось без участия начальства. Чжоу Чэн вернулся самым естественным образом и пригласил комитет по управлению зоной и знакомых торговцев на совместный ужин. Всем остальным разослали простые уведомления, и лишь к Чэнь Цючи Чжоу Чэн явился лично, проявив необычное упрямство.

Стоило ему появиться, как Юй Кай, будто подчиняясь заложенной на генном уровне программе, тут же шагнул к Чэнь Цючи и встал рядом, загораживая его собой словно живым щитом.

— Я не хочу идти, — сказал Чэнь Цючи.

На лице Чжоу Чэна играла улыбка, но в то же время в его тоне не допускалось никаких возражений:

— Хозяин Чэнь, уважьте меня. Все собираются вместе такой редкостью, да и руководство присутствует — я познакомлю вас с нужными людьми, в будущем это пригодится.

— Благодарю за доброту, но у дедушки Чжао здесь ещё столько дел, я действительно не могу уйти.

Не успели слова затихнуть, как его запястье крепко стиснули мёртвой хваткой, лишив возможности пошевелиться.

Чжоу Чэн чуть подался вбок, наклоняясь к самому его уху, и от скрежета стиснутых зубов его улыбка искривилась:

— Чэнь Цючи, не заставляй меня просить тебя во второй раз.

Слово «просить» прозвучало зловеще — это было требование, а вовсе не просьба.

В тот же миг все те страшные, сокрушительные боли, казалось, накатили с новой силой. Чэнь Цючи с ошеломлением осознал, что слишком долгое мягкое и приветливое обращение Чжоу Чэна заставило его позабыть истинное лицо этого человека. Чжоу Чэн сколотил состояние на финансовой компании, его связи тянулись в полукриминальный мир; он сам учил его, как расправляться с людьми и как делать грязную работу; и если кто-то шёл против его воли, он

прекрасно знал, как тот поступал с неугодными… К тому же, исчезновение отца было организовано его руками, как и судьбы некоторых других людей, о чьих именах Чэнь Цючи до сих пор не смел и спрашивать.

Погода стояла вовсе не жаркая, но по спине Чэнь Цючи побежал мелкий пот.

— Директор Чжоу, тогда я возьму с собой вино. — На его лице расцвела кроткая и учтивая улыбка, словно только что между ними не было никакого напряжения.

— Отлично, в половине седьмого, не опаздывай. — Довольный собой, Чжоу Чэн развернулся и зашагал прочь.

Юй Кай встревожился:

— Хозяин, он схватил тебя… Зачем? Я пойду разберусь с ним…

Чэнь Цючи торопливо остановил его:

— Не нужно, всё в порядке. На этот раз всё хорошо.

— Тогда ты… Нет, погоди, не ходи туда!

От охватившей его паники слова выходили сбивчивыми.

Поняв, к чему тот клонит, Чэнь Цючи мягко сжал его руку, успокаивающе произнеся:

— Всё в порядке, я просто схожу на ужин и сразу вернусь. Там будет много людей, ничего страшного не случится. Сегодня у нас выходной, иди на кухню, помоги с ужином, а поев, ложись пораньше спать.

— Я буду ждать тебя здесь.

— Не нужно меня ждать, Кай. Ступай к Гуан Лэ, пусть он включит тебе телевизор или разрешит поиграть в видеоигры. Поиграй немного и ложись спать, договорились?

— Ладно, а во сколько спать?

— В десять. Нет, в девять.

http://bllate.org/book/36916/4593607